

34. Für Deutschlands Kraft zur See. S. 58.
 35. Englert W. Op. cit. S. 26.
 36. Erdmann G. A. Wehrhaft zur See. S. 20.
 37. Ibid. S. 21.
 38. Deutsche Heeres-Zeitung. 1899.11 Januar.
 39. Alvensleben K. Was muss man von der Kriegsmarine wissen? Berlin: H. Steinitz Verl., 1899.
 40. Liliencron L. Die Deutsche Marine. Unter Zugrundelegung des neuen Flottengesetzes. Berlin: E. S. Mittler Verl., 1899.
 41. Alvensleben K. Op. cit. S. 5.
 42. Ibid. S. 33.
 43. Rewentlow E. Gefahr im Verzug! Betrachtungen über die Beschleunigung des Flottenbaus ihren Autzen und ihre Möglichkeit. Berlin:K. Curtius,1907. S. 6–7.

Анатолий Анатольевич КОНОНЕНКО —
 докторант
 кафедры отечественной истории
 факультета истории и политических наук,
 кандидат исторических наук

УДК 947.084

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

АННОТАЦИЯ. Анализируется историческая литература последнего десятилетия, посвященная вопросам возникновения партии социалистов-революционеров.

The author offers his review of recent historical articles and books devoted to the party of socialist revolutionaries.

Политические партии в России возникли позднее, чем в Западной Европе и США. Это отразило различный стадийный уровень всей системы общественных отношений в Российской империи и западноевропейских странах. Иным был в ней и порядок возникновения партий по их социальной стратификации: вначале оформились партии социалистической ориентации, затем либеральной и, наконец, консервативной. К 1905 г. процесс оформления социалистических партий, среди которых были эсеры, в основном завершился. Анализ этого события важен как в плане определенного подведения итогов российского политического процесса XX века, так и в плане концептуального осмысления истории партии эсеров в целом.

Несмотря на общероссийскую значимость социалистов-революционеров, советская историография не относила генезис этой партии к числу приоритетных проблем даже в русле «борьбы с мелкобуржуазными партиями». Напротив, причины возникновения ПСР изучались крайне слабо и фрагментарно. По количеству специальных публикаций эта тема явно уступала таким типологически тождественным сюжетам, как эсеры в 1905–1907 гг., и тем более в 1917 г. Внимание авторов было сосредоточено преимущественно на социальной концепции эсеров, а также выявлении «соглашательского», а затем и «контрреволюционного» характера ПСР, который, по их мнению, наиболее рельефно проявился в годы революций. В справедливости этого утверждения легко убедиться, проанализировав, прежде всего, количество и характер публикаций, посвященных ПСР [1].

В контексте этой проблемы исследователи последнего десятилетия впервые попытались проанализировать исторические факторы самоидентификации соци-

алистов-революционеров, непосредственно предопределивших формирование ПСР. Историки указывают на особенности российской цивилизационной модели, выражавшейся в господстве общинного менталитета, незавершенности капиталистической модернизации и классовообразования, общем кризисе либерального народничества, нарастании крестьянского движения и террористических настроений в русском обществе, воздействии идей марксизма. Причем, по мнению некоторых исследователей, последнее обстоятельство являлось одним из главных и нашло отражение в надеждах эсеров на революционное освобождение России при непосредственном участии пролетариата [2].

Как заметил по этому поводу М. И. Леонов, эсеровский социализм представлял «синтез концептуальной сути крестьянского социализма А. И. Герцена — Н. Г. Чернышевского и эволюционно-реформистского марксизма бернштейнианской интерпретации» [3].

На новом этапе исследования проблемы внимание историков продолжала привлекать эсеровская партийная программа. Некоторые авторы оценивают ее как утопичную в своей конечной цели, придерживаясь вывода советской историографии о народничестве как тупиковой ветви общественной мысли России. Так, по мнению Н. Д. Ерофеева в случае реализации эсеровских установок: «Россия была бы обречена оставаться сельскохозяйственной страной, и тогда она вряд ли сохранилась бы как великая мировая держава» [4]. К иному мнению склоняется М. И. Леонов. В его работах последовательно проводится мысль об устойчивой традиции двух модификаций социализма в России, одна из которых была связана с традиционной космоцентрической крестьянской культурой, другая — с утверждавшейся технологической промышленно-городской (индустриальной). В интерпретации М. И. Леонова, сторонники крестьянского социализма связывали надежды с возможностью совершенствования крестьянской цивилизации при одновременном развитии города. По их мнению, можно было рационализировать, технически и организационно модернизировать крестьянское хозяйство вне капитализма [5].

Таким образом, М. И. Леонов принципиально иначе, чем в исследованиях советского периода, дает оценку партийной программе эсеров. Он показывает разработку эсерами новой парадигмы народнического социализма, сверхзадачей которой было безболезненное вращение патриархального крестьянства в современное индустриальное общество.

Важным вопросом, привлечшим внимание исследователей, стали численность и социальный состав партии. Г. Д. Аноприева и Н. Д. Ерофеев пришли к выводу, что интеллигенция составляла большинство, абсолютно преобладая среди активных членов, доминируя во всех комитетах и руководстве групп. Рабочие и крестьяне представляли не более четверти состава партии [6]. По подсчетам Н. Д. Ерофеева, численность эсеров накануне первой российской революции составляла 2671 человек [7].

В работе М. И. Леонова, опубликованной позднее, эти результаты были подвергнуты сомнению. Как полагает М. И. Леонов, Н. Д. Ерофеев ограничил круг источников почти исключительно донесениями жандармов, практически не использовал большинство партийных и иных по происхождению источников, в том числе мемуары, переписку, а также исторические исследования. Поэтому в опубликованный им список организаций не вошло более 20 эсеровских групп [8].

Историки разошлись также в оценке результатов деятельности партии. Так, Н. Д. Ерофеев пришел к выводу, что в период становления «ПСР как антиправительственная сила сколько-нибудь серьезного значения не имела» [9]. Напротив, пишет М. И. Леонов, «правительственные круги болезненно воспринимали эсеровскую пропаганду в городе и деревне, и эсеровский террор в особенности» [10].

Среди выразительных черт, присущих эсерам, современные исследователи отмечают слабость организационных структур, неустойчивость, а порой и формальность связей внутри партии. По мнению историков, зарубежным эсеровским организациям, таким как бернский «Союз русских социалистов-революционеров» и парижская «Аграрно-социалистическая лига», соответствовало состояние летаргического полусна. Значительными были разногласия и в организациях в самой России. В частности, не было единства по вопросам о масштабе и темпе политических преобразований, о роли и значении различных классов в этих преобразованиях, о формах, методах и средствах борьбы, особенно о терроре. «Внутренние связи в партии, вертикальные и горизонтальные, — отмечает Н. Д. Ерофеев, — никогда не были прочными и надежными, особенно слабыми они были в период, предшествовавший первой российской революции» [11]. М. И. Леонов вообще характеризует ПСР в этот период как «чрезвычайно аморфное образование» [12].

Новая историографическая ситуация способствовала разработке некоторых ранее специально не изучавшихся аспектов. К их числу можно отнести такой вопрос, как террористическая деятельность ПСР [13]. В центре внимания авторов оказалась частная, но, несомненно, важная проблема — деятельность Боевой организации ПСР — одной из самых значимых террористических организаций XX века, и ее лидеров Г. А. Гершуни, Е. Ф. Азефа, Б. В. Савинкова. В исследованиях показывается феномен российского террора, реакция на него широких слоев общества и правительственного лагеря. Так, в монографии О. В. Будницкого поставлены вопросы о моральной допустимости террора, наличии психопатологического элемента в героизме терроризма, роли женщин в боевых организациях. Л. Г. Прайсмана более интересовали вопросы, связанные с национальными особенностями личностей террористов. Он полагает, что острота еврейской проблемы в дореволюционной России была, например для Е. Ф. Азефа, стимулом, ускорившим его решимость в деле устранения чиновников с ярко выраженной антисемитской направленностью.

В новейшей российской историографии вскрыты черты, присущие террористическому движению эсеров [14], поставлен вопрос об эффективности террора [15], затронуты проблемы моральной допустимости изменения политических реалий путем террористической борьбы [16]. При этом некоторые историки (К. В. Гусев, М. И. Леонов) видят в терроре явление, исключительно далекое от требований народных масс: «измельчание террора, бесчеловечность ряда покушений, экспроприаторская гангрена, разоблачение суперагента Азефа», участие в нем хулиганов и асоциальных элементов, неуравновешенность участников и т. д. Другие придерживаются более взвешенных оценок (Н. Д. Ерофеев, Р. А. Городницкий, О. В. Будницкий), считая бессмысленным ассоциировать революционный террор с банальным бандитизмом. «Террору эсеры придавали большое значение, но не абсолютизировали его. В нем они видели средство, с одной стороны, агитации и возбуждения общества, мобилизации революционных сил, а с другой — дезорганизации правительства, сдерживание его произвола» [17].

В новейшей литературе был поставлен и такой вопрос, как критерии распределения по вектору «революционности» эсеров в партийных и общественных отношениях начала XX века. «Партии социалистической ориентации — пишет М. И. Леонов, — ранее расставлялись советскими историками по такому ранжиру: энесы, эсеры, социал-демократы (меньшевики) и большевики. Теперь так: энесы, правые эсеры, меньшевики, большевики, эсеры-максималисты, левые эсеры. Поскольку партии эсеров левых и «правых» (название условно, партии с таким названием не было) образования более поздние, неясно, где место просто партии эсеров, которая существовала с самого начала XX века и по 1917 год?» [18]. В этой связи возникает

вопрос, насколько правомерно в научной литературе употребление термина «правые» эсеры, может быть, более точным и академичным является определение «ортодоксальные» социалисты-революционеры?

В целом, отечественным историкам удалось составить представление о генезисе и становлении партии эсеров, ее организациях и численности, составе партийных рядов и партийном руководстве, социальной доктрине. Нельзя сказать, что историки едины в своих оценках теории и практики социалистов-революционеров, но, несмотря на разногласия по отдельным вопросам, в современной историографии сложилась довольно стройная и непротиворечивая концепция, объясняющая происхождение, динамику и итоги деятельности ПСР в период до 1917 г. В этом плане отечественная историческая наука приближается к лучшим достижениям зарубежной историографии, хотя не все работы зарубежных авторов являются эталонными, так как во многом их качество определяется политическими пристрастиями.

Отмечая позитивные сдвиги в изучении проблемы на современном этапе, нет оснований считать ее разработку завершенной. В новейших публикациях сделаны, в частности, только первые шаги по концептуальному обновлению истории эсеров, в том числе генезису партии. Серьезные научные исследования с привлечением архивных материалов начинают брать вверх над конъюнктурой, которая «радовала» читателей в первой половине 90-х гг. XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонов М. И. Из истории образования партии эсеров // Вопросы истории СССР. 1972. № 4; Ерофеев Н. Д. К вопросу о численности и составе партии эсеров накануне первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989.
2. Тютюкин С. В. Политическое пробуждение России на рубеже XIX–XX веков // Политические партии России: история и современность. М., 2000; Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; Ерофеев Н. Д. Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX в.–1917 г.) // Политические партии России: история и современность. М., 2000; Касаров Г. Г. Партия социалистов-революционеров (конец XIX–февраль 1917 года). М., 1995.
3. Леонов М. И. Указ. соч. С. 90.
4. Ерофеев Н. Д. Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX в.–1917 г.) // Политические партии России: история и современность. С. 183.
5. Леонов М. И. Указ. соч. С. 103.
6. Аноприева Г., Ерофеев Н. Партия социалистов-революционеров // Политические партии России. Конец XIX–первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 436.
7. Ерофеев Н. Д. К вопросу о численности и составе партии эсеров накануне первой российской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 127.
8. Леонов М. И. Указ. соч. С. 47.
9. Ерофеев Н. Д. Там же.
10. Леонов М. И. Там же.
11. Ерофеев Н. Д. Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX в.–1917 г.) // Политические партии России: история и современность. С. 176.
12. Леонов М. И. Указ. соч. С. 29.
13. Городницкий Р. А. Боевая организация ПСР (1901–1911 гг.). М., 1998; Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. М., 2000; Прайсман Л. Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001.
14. Городницкий Р. А. Указ. соч. С. 237.
15. Гусев К. В. Рыцари террора. М., 1992.
16. Будницкий О. В. Указ. соч. С. 22.
17. Ерофеев Н. Д. Социалисты-революционеры (середина 90-х гг. XIX в.–1917 г.) // Политические партии России: история и современность. С. 184.
18. Леонов М. И. Указ. соч. С. 395.